

Симона Вилар
Обрученная с Розой

СИМОНА ВИЛАР

Обрученная с Розой

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Сычак*

ISBN 978-966-14-1684-9 (PDF)

© Гавриленко Н., 2005
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга»,
издание на русском
языке, 2005, 2008,
2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформ-
ление, 2005

ПРОЛОГ

Высокий мужчина в длинном плаще был уже немолод. Но тем не менее, когда лодка, пробившись сквозь густой туман, подошла к кораблю и сверху спустили трап, он, словно юноша, молниеносно вскарабкался по нему.

Не обращая внимания на услужливо протянутую капитаном руку, он легко переступил через борт.

— Моя дочь уже здесь? А сэръ Джордж?

— Да, ваша светлость, они ожидают вас, — указал капитан в сторону двух силуэтов, еле различимых сквозь мрак ночи и густой туман.

Прибывший удовлетворенно кивнул и оперся рукой о борт. Он смертельно устал, но хотел не столько отдохнуть, сколько просто побыть в одиночестве.

Боже правый, он, еще недавно повластный владыка Англии, гордый Ричард Невиль, граф Уорвик, вынужден тайком, под покровом ночи, спешно покидать свою страну, которая почтительно назвала его Делателем Королей.

Когда-то это прозвище обрела его злейший враг — королева Алой Розы Маргарита Анжуйская. Это было в разгар войны Алой и Белой Розы, кровавой междоусобицы, когда схлестнулись за корону два самых великих рода Англии — Ланкастеры, в гербе которых была алая роза, и Йор-

ки с белой розой в гербе. Уорвик в то время стоял за Йорков; тогда он впервые познал славу побед, ощутил свою мощь, так что ядовито-ироничным прозвищем, данным ему королевой Алой Розы, можно было только гордиться. Ибо он поклялся и впрямь стать делателем королей и возвести на трон основного претендента от йоркистов — молодого Эдуарда.

Он преуспел в своих планах. Королева Маргарита и ее супруг, слабовольный король Генрих VI Ланкастер, были побеждены, а гордый Уорвик возвел на трон Эдуарда IV из рода Йорков и по сути стал правителем при молодом монархе. Но именно тогда началось его нынешнее поражение.

Король Эдуард поначалу был послушен воле графа Уорвика. Красивый, легкомысленный, добродушный, он воспринял власть как дар судьбы, получал от своего положения все удовольствия, развлекался пирами, охотой, любовью красавиц, пока его могущественный покровитель Уорвик разумно и жестко правил Англией и все-таки остановил междоусобицы в истерзанной стране. Тогда Делатель Королей был на вершине могущества, но еще не понимал, как трудно удержаться на высоте и что за восхождением неизменно следует спуск.

Именно это с ним и случилось. Оставалось только пожинать плоды. И что теперь? Унизительный побег! Постыдное поражение! Он — владыка и правитель — стал изгоем, вынужденным бежать... И у кого просить защиты и покровительства?! У своего заклятого врага, у Маргариты Анжуйской, которую он лишил трона, у которой отнял мужа, заключив в Тауэр!

Уорвик даже застонал... Нет, просто глухо выругался...

— О чем задумались, батюшка? — прервал его горькие мысли нежный женский голос.

Рядом стояла его старшая дочь Изабелла. Даже складки широкого плаща не могли скрыть ее выступающий живот. Изабелла Невиль, супруга второго из венценосных Йорков, Джорджа Кларенса, была на сносях, родить предстояло вот-вот.

«Бедная девочка! — подумал Уорвик. — Каково ей в таком состоянии переносить качку и тяготы изгнания...» Но думать о старшей дочери кроме как вскользь у Делателя Королей не было времени. Да и привычки.

— Ступай к мужу, дитя мое! Твой супруг будет для тебя лучшим утешением, нежели я. — Сказал и отвернулся.

Мысли его были заняты делами государственными, вернее, собственными ошибками. Ведь брак Изабеллы со средним Йорком тоже был ошибкой. Не потакай он тогда дочери, влюбленной в обаятельного Джорджа, — все можно было бы повернуть по-иному. Ведь даже Эдуард заглядывался на золотоволосую Изабеллу. Но тогда он еще не был королем, а Изабелла, как на грех, полюбила второго из Йорков. Джордж, конечно, славный мальчик, но он никогда не имел таких прав на трон, как его брат Эдуард.

Позже, когда Уорвик возвел на трон Эдуарда, он попытался исправить эту ошибку и обручил короля со своей младшей дочерью — Анной. Правда, Анне едва исполнилось шесть лет, но разве подобные династические союзы не были делом обычным? Поэтому никто не удивился, когда рослый широкоплечий юноша обручился с малюткой Анной Невиль. Они должны были оставаться женихом и невестой до тех пор, пока Анна не сможет выполнять супружеские обязанности.

Уорвик пристально вглядывался сквозь туман вдаль, как будто пытаясь разглядеть будущее...

«Бедняжка Анна! Цветочек мой!»

Младшая дочь Уорвика была его любимицей. Ее мать, леди Бьючем, умерла, когда девочке не было и двух лет, и так вышло, что малютка не воспитывалась где-нибудь в монастыре или у знатной родни, а сопровождала отца в походах. Позднее, когда династия Белой Розы взойшла на престол и маленькая Анна стала невестой короля, она по-прежнему оставалась при графе.

Уорвику всегда были по душе ее дикие выходки и необузданный характер. Конечно, он видел, что Анна просто маленькая дурнушка со скверным нравом, что при дворе ей не место, и понимал, что вряд ли Анна будет счастлива, став супругой столь пригожего и любвеобильного мужчины, как Эдуард. Но она получит корону. А все эти слухи, что Уорвик готов разорвать помолвку Анны ради брачного союза с Францией, всего лишь политика. Надо же было как-то налаживать связи с хитрым французом Людовиком Валуа. Однако в действительности Делатель Королей, сам не имея прав на трон, желал получить их через дочь.

Что будет с Анной потом... Увы, отцу оставалось только воспитывать ее стойкой и решительной в житейских неурядицах.

И подобное воспитание странно сочеталось с теми привычками, какие он прививал Анне. Ибо девочка, росшая вдали от двора, колесившая повсюду с войском отца, стала самым настоящим сорванцом с хватками мальчишки. Она прекрасно ездила верхом, великолепно стреляла из лука и арбалета, не говоря уже о том, что порой юной невесте короля приходилось и драться, отвоевывая свое место у походного котла. Уорвик же только старался, чтобы слухи о подобных выходках Анны не доходили до Эдуарда — любителя изящных, утонченных леди.

Когда девочке исполнилось одиннадцать, ее дядя — епископ Йоркский Джордж Невиль — потребовал, чтобы Уорвик отдал Анну на воспитание в какой-нибудь известный монастырь, где ей наконец привьют хорошие манеры и дадут образование, подобающее будущей королеве. Как ни был привязан Уорвик к своей маленькой сорвиголове, он должен был уступить этим доводам, и царапающуюся и ревушую в голос девочку увезли в монастырь при аббатстве Киркхейм в Йоркшире. Вскоре граф стал получать сведения, что в монастыре Анна присмирела и легко постигает науки. Он все время собирался навестить дочь, да только время, да только государственные дела, да только начавший проявлять строптивость молодой король...

И вот теперь, когда Уорвику приходилось под покровом ночи тайно покидать Англию и оставлять свою девочку, он молил Бога, чтобы стены аббатства послужили надежной защитой его крошке. Особенно сейчас, когда сам он стал изгнанником, а Эдуард, вопреки данному слову, женился на другой.

Этот возвеличенный Уорвиком король из династии Йорков с ранней юности приобрел славу сердцееда. Чему удивляться? Красивый, пылкий, обходительный — ни одна женщина не могла устоять перед этими качествами, тем более если принадлежали они королю. Уорвик не придавал значения любовным утехам будущего зятя, более того, пока Анна была мала, его даже устраивало подобное поведение венценосного жениха. По крайней мере, это отвлекало Эдуарда от вмешательства в дела государства. Это бремя Ричард Невиль с готовностью возложил на себя, и страной фактически правил он — граф Уорвик.

Но Эдуард оказался не так покладист, как представлялось на первый взгляд. Пользуясь частыми отлучками Уорвика, он начал

выходить из-под опеки. Орленок подрос и норовил занять место старого орла.

Тогда стали возникать первые размолвки. Уорвик был вне себя, когда узнал, что Эдуард провалил так тщательно подготовленный им брачный союз между сестрой Йорков Маргаритой и французским монархом Людовиком XI, выдав Маргариту за герцога Карла Бургундского, непримиримого врага Валуа. Это выставило Уорвика неспособным вершить внешнеполитические дела, однако тогда он смирился. Ведь открытый разрыв с Эдуардом не входил в его планы, ибо повлек бы расторжение помолвки с подраставшей Анной. Но в отместку Уорвик позволил разгореться нескольким мятежам на Севере Англии, и, когда сторонники Ланкастеров начали открытые военные действия, обеспокоенному Эдуарду не оставалось ничего другого, как молить о помощи того же Уорвика.

Для беспокойства причин было более чем достаточно. Король Генрих Ланкастер томился в Тауэре, но мятежной Маргарите Анжуйской удалось скрыться. Вместе с сыном Эдуардом Уэльским она нашла убежище при дворе своего родственника Людовика Французского. И под ее крыло стали стекаться приверженцы Алой Розы. Тень войны вновь стала стучаться над Англией.

Король Эдуард понимал, что единственным человеком, способным подавить мятеж и предотвратить кровопролитие, остается граф Уорвик. И когда опасность превратилась в реальность, вновь обратился к помощи Делателя Королей. А тот, словно опытный всадник, натягивал поводья, укрощая вражескую смуту и ставя на место короля. Но это продолжалось до тех пор, пока очередная своевольная выходка Эдуарда вновь не нарушала равновесия.

Сейчас Уорвик понимал, что это была еще одна ошибка: так жестко давить на короля было неразумно. Делатель Королей видел, что их отношения с Эдуардом ухудшались, Эдуард искал новых сторонников. И становился все популярнее. Рано или поздно между ними должен был произойти окончательный разрыв.

Но тут произошло непредвиденное.

При дворе появилась скромная просительница, молодая вдова из Уэльса, некая Элизабет Грэй, в девичестве Вудвиль. Все ее

многочисленные родственники были приверженцами Ланкастеров, поэтому казалось, что леди Грэй не на что рассчитывать... не будь она так дивно хороша собой.

Уорвик поначалу с легким любопытством наблюдал за тем, как увивается вокруг Элизабет Грэй венценосный жених его дочери. Эдуард был вновь окрылен любовью, а значит, ему было не до государственных дел. К тому же ухаживания потребовали от короля немало заметных усилий: леди Грэй оказалась на редкость неуступчивой.

Эдуард умолял, задаривал, угрожал — все было тщетно. Дама не сдавалась. Сам Уорвик был свидетелем случая, когда Эдуард, желая добиться своего, приставил к горлу прекрасной Элизабет кинжал. Видимо, обходительный Нэд¹ Йорк совсем отчаялся, если решился на подобный шаг.

Упорные ухаживания короля стали предметом насмешек двора — по всем углам шептались о том, что на самом деле Элизабет Грэй по уши влюблена в другого — некоего рыцаря сэра Филипа² Майсгрейва — и собирается, когда окончится ее траур по мужу, сочетаться с ним узами брака.

Одни считали ее просто беспросветной душой, раз она упирается и не хочет понять, какие выгоды сулит ей любовь короля, другие же, наоборот, утверждали, что красавица Лиз поразительно хитра и многого добьется, играя с королем в целомудрие. Это лучший способ распалить чувства короля до настоящего пожара. В галереях дворца заключались пари, как долго будет ломаться прекрасная вдова, обремененная двумя детьми, к тому же бывшая несколько старше короля.

Уорвик, конечно, знал все придворные сплетни, но, занятый хитросплетениями переговоров с Людовиком Французским о передаче Англии беглой королевы Маргариты, пропустил момент, когда страсть короля перешла все разумные пределы. Каково же ему было узнать, что Эдуард все-таки добился своего, но лишь когда тайно обвенчался с Элизабет Грэй. Красавица из Уэльса сдала свои бастионы только после того, как перед ней открылась перспектива стать полноправной королевой.

¹ Нэд — сокращенно от Эдуард.

² В отличие от французского Филипп, английское имя — Фйлип, с ударением на первом слоге.

Вот это был настоящий удар! Чего-чего, а такого безрассудства, по сути предательства, Уорвик от короля не ожидал. Это стало пощечиной Делателю Королей: ради какой-то бабенки Эдуард пренебрег тем, кто добыл ему трон. Помолвка короля с Анной была расторгнута, а Уорвик — опозорен.

Тогда грозный Уорвик решил выступить против того, кого сам же возвеличил. Он поднял восстание и, как всегда, одержал победу. Он, Ричард Невиль, талантливый полководец и политик, можно сказать, держал в руках Эдуарда, требуя одного и главного: объявить брак с леди Грэй недействительным.

Его поддержала мать Эдуарда, Сесилия Невиль, возненавидевшая низкородную Элизабет Грэй с момента появления вдовы при дворе. Даже то, что Элизабет сразу понесла от ее сына, не остановило оскорбленную герцогиню Йоркскую. Она сама позволила Уорвику заманить короля в ловушку, по сути, сделать его пленником Делателя Королей. И графу опять показалось, что он контролирует положение, что вновь он выиграл.

Но в результате — проиграл.

Эдуард Йорк был его учеником и сумел, добившись поддержки у младшего брата, горбуна Ричарда Глостера, дать самому Делателю Королей достойный отпор.

Уорвик до сих пор не мог понять, как это произошло. На его стороне были значительные силы, верные сторонники, надежные друзья. И все же он, отрезанный армией короля в графстве Девоншир, был вынужден отступить.

— Медведь в ловушке³! — ликовали сторонники короля Эдуарда.

Уорвика выручил зять — Джордж Кларенс. Он успел зафрахтовать в Дармуте корабль...

Теперь Уорвик вынужден позорно бежать. От этой мысли глаза Делателя Королей застилал кровавый туман. И куда бежать — к Маргарите Анжуйской! Это был единственный шанс отомстить Эдуарду за оскорбленную честь и вернуть трон тому, кого сам же и сверг, — Генриху Ланкастеру.

³ На гербе графа Уорвика был изображен вставший на задние лапы медведь.

— Бог свидетель, я отомщу, — пробормотал Уорвик. — Пусть для этого мне даже придется носить шлейф этой анжуйской сучки Маргариты!

— Вы что-то сказали, граф?

Уорвик вздрогнул от неожиданности. А, Джордж... У него, как и у младшего из Йорков — горбатого Ричарда, была скверная привычка подкрадываться незаметно.

— Вы что-то сказали о Ланкастерах? — вкрадчиво повторил Джордж.

— Сказал. Увы, придется перейти в стан Алой Розы и вернуть трон Ланкастерам. Не будь я собой, если не отомщу Эдуарду!

Во мраке он не заметил, как резко отшатнулся Джордж. Не придал значения тому, как изменился голос зятя:

— Ланкастеры — ваши враги! Они ненавидят вас лютой ненавистью! Но я-то предан вам, Уорвик. Почему вы лишаете меня права стать королем, ведь я — ваш зять? И ваша дочь могла бы стать королевой!

— Моя дочь и так станет королевой. Но не Изабелла, а Анна. Теперь, когда ее помолвка с Нэдом дело прошлое, мне ничто не мешает отдать ее руку сыну Маргариты Эдуарду Уэльскому. Да, ты прав: меня многое разделяет с Алой Розой, но этот брачный союз свяжет нас навсегда...

— Но мы — я и Изабелла?..

— Я очень люблю вас обоих. Однако больше этого уважаю право прямого престолонаследия. И если я иду на то, чтобы лишить старшего из Йорков короны, то тогда только Ланкастеры могут претендовать на трон. Ты не должен сердиться, мальчик мой. Для вас с Изабеллой и вашего наследника я сделаю все возможное. Слово Уорвика!

Джордж не ответил, только коротко поклонился и, резко повернувшись, пошел туда, где ждала его жена. При дворе их называли «самой влюбленной парой», хотя некоторые злословили, что Джордж Кларенс прельстился не столько красотой дочери, сколько могуществом ее отца. Но сейчас, когда Джордж и Изабелла, стоя на корме, наедине, в тени полуночи, нежно шептались, они выглядели действительно умирительно.

Однако шептались они вовсе не о любви. Джордж был ослеплен гневом — ему было не до дамских прелестей, голос его даже окрасился шипящими интонациями:

— Я всем пожертвовал ради него, пошел даже против родных братьев, а он готов все это перечеркнуть во имя своих дурацких старомодных принципов. Какого дьявола тогда мне отправляться к Ланкастерам?! Нет, при первой же возможности я вернусь в Ирландию. Там я — полновластный Йорк.

— Дело вовсе не в принципах, мой дорогой Джордж.. Дело в Анне. Эта дурнушка всегда была любимицей отца... — В голосе Изабеллы отчетливо зазвучали нотки ревности.

Старшая дочь была права. Делатель Королей действительно боготворил младшую дочь, а старшую — просто любил. И в эту минуту Ричард Невиль думал именно о своей гордой малышке, и сердце его замирало в груди: как она там?

Конечно, он оставил свою любимицу под надежной защитой, вернее, под самой надежной из всех ненадежных — под кровом аббатства, под защитой Церкви. К тому же Уорвик знал, что Эдуард, какими бы ни были их отношения, по духу — рыцарь; он не посмеет мстить невинной девушке.

Так ли уж не посмеет?! «Господь Всемогущий, защити мою малышку от зла... Спаси ее... О девочка моя, что же тебя ждет?»

РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР

Король Эдуард действительно был страстно влюблен в свою королеву. Он превозносил ее, не расставался с ней и был безмерно счастлив, потому что большинство англичан были довольны, что корона оказалась на голове их соотечественницы, а не досталась иноземке. Ибо многие еще помнили ту ненависть, какую вызвала к себе француженка Маргарита Анжуйская.

Красивая бедная вдова быстро освоилась с новой, царственной, ролью. Природный ум и рассудительность удерживали ее от того, чтобы кичиться своим положением, вызывая негодование знати. Вместе с тем Элизабет обладала тонким искусством польстить, а самых ярых противников сумела либо задобрить богатыми дарами, либо умиротворить, а иных — и припугнуть. К тому же, чтобы создать себе опору, она старалась приблизить к двору своих родственников и, ластясь к Эдуарду, добивалась для них титулов, должностей и земель. В этом был резон: новая знать будет куда более верна, нежели старые аристократические роды, и таким образом многочисленные Вудвилы и Грэй прочно обосновались при дворе, оберегая интересы королевы и ее венценосного супруга.

Даже когда вместо ожидаемого наследника королева родила дочь, это не умень-

шило любви и восхищения ее супруга. Маленькая принцесса была названа в честь матери — Элизабет, и в городе Йорке по случаю ее крестин устроили грандиозное празднество. Пиршества, балы, охота сменяли друг друга. По вечерам жгли праздничные огни, а из королевских погребов выкатывали бочки эля для бесплатного угощения всех желающих. Венцом празднеств должен был стать великолепный турнир, на котором английские и иноземные рыцари собирались продемонстрировать свое воинское искусство и доблесть.

Турнир назначили на последние числа февраля, когда установилась мягкая, сухая погода. На поле перед воротами Сент-Мэри-Джуниор было устроено ристалище. По обеим сторонам поля установили помосты и амфитеатры с ложами, которые могли вместить множество зрителей. Между ними простиралось обширное пространство, огороженное частоколом, — арена, где должны состояться поединки.

За день до турнира по городу и его окрестностям ездили разряженные, как райские птицы, герольды, дуя в посеребренные трубы и призывая всех желающих поспешить на рыцарские игрища. И едва только первые лучи солнца позолотили небосвод, толпы зрителей двинулись в сторону ристалища.

Хорошо вооруженный отряд городской стражи всю ночь охранял арену, и при утреннем освещении глазам горожан предстало ослепительное зрелище. Трибуны были выкрашены в самые яркие цвета, а скамьи для знати выстланы коврами и пестрыми подушками. Посередине одной из трибун возвышался резной помост с балдахином. Сюда еще на рассвете привезли и установили кресла, в которых предстояло воссесть королю и королеве.

Для простолюдинов отводилось пространство вокруг арены, а те, кто был в состоянии заплатить, могли получить места в нижних ярусах амфитеатра. Беднота толпилась и на склонах близлежащих холмов, а многие залезли на деревья вокруг арены, откуда все было видно как на ладони.

Ближе к полудню из городских ворот показалась блистательная кавалькада и под приветственные крики собравшейся толпы направилась к ристалищу. Впереди бок о бок ехали царственные супруги — оба на белых конях, в алых бархатных мантиях с пышными горностаевыми оплечьями. За ними на таком же